

УДК 82.09

DOI 10.5281/zenodo.14764085

Каменский А.В., Каменский К.В.

Каменский Артём Владимирович, Курский государственный университет, Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 33. E-mail: kainfrit@list.ru.

Каменский Кирилл Владимирович, Курский государственный университет, Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 33; ведущий техник, ФБУ Курская ЛСЭ Минюста России, Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 17. E-mail: kainfrit@list.ru.

Образы центральных героев «Слова о полку Игореве» в аспекте Курской геопэтики

Аннотация. В данной статье анализируются образы князей Игоря и Всеволода из «Слова о полку Игореве». Произведение рассматривается через призму геопэтики и курского текста. Изучаются различные толкования исследуемых образов героев: эссеистическое (Б. Агеев), исследовательское (И.З. Баскевич), художественное (В. Корнеев). Отмечается, что образы Игоря и Всеволода многогранны и воспринимаются совершенно по-разному. Сведения, аккумулированные в данной статье, будут полезны как (по)читателям древнерусской литературы, так и учёным, занимающимся литературной регионалистикой.

Ключевые слова: «Слово о полку Игореве», геопэтика, курский текст, Б. Агеев, И.З. Баскевич, В. Корнеев, литературная регионалистика, региональный текст, локальный текст.

Kamensky A.V., Kamensky K.V.

Kamensky Artyom Vladimirovich, Kursk State University, Russia, 305000, Kursk, Radishcheva St., 33. E-mail: kainfrit@list.ru.

Kamensky Kirill Vladimirovich, Kursk State University, Russia, 305000, Kursk, Radishcheva St., 33; leading Technician, Kursk Medical School of the Ministry of Justice of the Russian Federation, Russia, 305000, Kursk, Radishcheva St., 17. E-mail: kainfrit@list.ru.

Images of the central characters of the "Words about Igor's Regiment" in the aspect of Kursk Geopoetics

Abstract. This article analyzes the images of Princes Igor and Vsevolod from the "Words about Igor's Regiment". The work is viewed through the prism of geopoetics and the Kursk text. Various interpretations of the characters under study are studied: essayistic (B. Ageev), research (I.Z. Baskevich), artistic (V. Korneev). It is noted that the images of Igor and Vsevolod are multifaceted and perceived in completely different ways. The information accumulated in this article will be useful both for readers of ancient Russian literature and for scholars engaged in literary regionalism.

Key words: "The Word about Igor's regiment", geopoetics, Kursk text, B. Ageev, I.Z. Baskevich, V. Korneev, literary regionalism, regional text, local text.

И зучая курс литературной регионалистики Курского края, нельзя пройти мимо столь значительного текста, как «Слово о полку Игореве». По своей сути и форме это – один из важнейших памятников древнерусского эпоса и, как мы надеемся показать в дальнейшем, один из составляющих элементов регионального, курского, текста. Локальный текст, по Д.Н. Замятину, представляется как когнитивное пространство, в котором взаимодействуют, пересекаются, противоречат друг другу, расходятся различные дискурсы, объединяемые, с одной стороны, лишь ‘внешними’ знаками конкретной топографической / географической локализации, а, с другой – наличием общей онтологической (возможно, мета-онтологической) подложки, функционирующей в качестве ‘вселенной’, в рамках которой происходит разбегание ‘дискурсов-галактик’» [4, с. 82]. Данный тип текста создаётся писателями, изображающими те или иные особенности определённой местности и её жителей в рамках конкретной исторической эпохи. К примеру, *петербургский текст* формируется благодаря произведениям таких классиков русской литературы, как А.С. Пушкин («Медный всадник»), Н.В. Гоголь («Петербургские повести»), Ф.М. Достоевский («Преступление и наказание») и др.

Локальный текст соотносится с понятием *геопоэтика*, которое обозначает «формы и пути интеллектуального и эстетического освоения географических территорий, ландшафтов, топографических мест, работу с их образами и мифами, различные географические и пространственные аспекты художественных произведений, многообразные связи и взаимовлияния мира географии и мира литературы (и, шире, искусства), а также обобщающий эту совокупность феноменов и практик» [10, с. 153]. Мы применительно к Курску понимаем термин «геопоэтика» более широко, включая в его содержание также курский текст и курский контекст (название А.В. Бубнова применительно к арт-лит-фестивалю [3,

с. 52, 55], расширенное здесь нами в значении ‘связь с Курском, курским текстом’). Любое географическое упоминание (города, его жителей) в художественном произведении может поэтизироваться и составлять художественный образ. Кроме того, временная или перманентная связь людей искусства и их творений, собственно, и составляет геопоэтику того или иного населённого пункта. Эти две особенности и образуют текст и контекст Курска.

Курский текст – это «явление уходящее далеко в прошлое» [7, с. 23], объединяющее творчество Н.С. Лескова, («Овцебык»), А.А. Дельвига («Я в Курске, милые друзья...»), А.А. Пушкина («Путешествие в Арзрум») [7, с. 23-26], не говоря уже о наследии А.А. Фета, Н.Н. Асеева, В.В. Бородаевского, Е.А. Благиной, Е.И. Носова, К.Д. Воробьёва и др. Но обратимся непосредственно к объекту нашего исследования.

Изучение «Слова о полку Игореве» объединяет усилия представителей самых различных научных дисциплин, среди которых, прежде всего, филологи и историки. Отдельные исследования или их части посвящены географии продвижения князя Игоря. Например, обращались в своих трудах к географическому аспекту похода Игоря Святославича В.Б. Броневский (1834), Д.М. Дубенский (1844, 1855), М.Г. Головин (1846) и др. Изучение топоса произведения способно формировать геопоэтическую установку при анализе произведения.

Известно, что основой повествования служит сказание Бояна о походе князя Игоря Ярославовича на половцев. Князь является титульным героем произведения, его имя составляет название текста. Однако Игорь не единственный герой «Слова...», которого можно охарактеризовать в качестве главного. Немалую роль в (гео)поэтике данного произведения играет и князь Всеволод, брат Игоря. Оба персонажа представлены автором в высшей степени комплиментарно: это сильные, бесстрашные воины русской земли, настоящие мужи своей родины. В

контексте данной статьи мы намерены проанализировать образы двух братьев как в прецедентном тексте «Слова...», так и в научно-художественном преломлении курских учёных и поэтов XX века. Обозначенный подход, как мы полагаем, позволит не только продуктивно эксплицировать содержание произведения, но и проанализировать образы главных героев «Слова...» в курском контексте.

В одном из начальных эпизодов Игорь, игнорируя плохое знамение (затмение солнца), говорит следующее:

О дружина моя и братья!
Лучше ведь убитым быть,
чем плененным быть...

<...>

«Хочу, – сказал, – копьё преломить
на границе поля Половецкого,
с вами, русичи, хочу либо голову
сложить,
либо шлемом испить из Дону» [11, с. 49].

Исторический прототип указанного эпизода приводится Д.С. Лихачёвым следующим образом: «В походе у берегов Донца 1 мая, когда день клонился к вечеру, их застигло солнечное затмение, считавшееся на Руси предзнаменованием несчастья, но Игорь не поворотил коней [курсив наш – А.К., К.К.]. Он сказал боярам своим и дружине: «Видите ли, что есть знамение се?» Они все посмотрели, опустили головы и сказали: «Княже! се есть не на добро знамение се». Игорь сказал на это: «Братья и дружино! Тайны божия никто же не весть, а знамению творец бог и всему миру своему. А нам что створить бог, — или на добро, или на наше зло, — а то же нам видити». Сказав так, Игорь переправился через Донец. У Оскола Игорь два дня поджидал брата Всеволода, шедшего иным путем из Курска. От Оскола пошли дальше к реке Сальнице» [9, с. 44-45].

Как выяснится в дальнейшем, князь ведёт своих воинов на верную гибель. Воины же идут за Игорем, молча и верно

выполняют его волю, поскольку настоящий муж должен всегда поддерживать своего князя. Игорь выступает перед нами как князь, который непременно желает снискать себе чести и славы и поэтому «после встречи с Всеволодом Игорь выступает в поход, несмотря на все зловещие предзнаменования. Солнце заступало ему путь тьмою. Ночь разбудила грозою птиц. Поднялся свист сусликов. Божество восточных народов – див – стремится криком с вершины дерева предупредить жителей своих стран о походе Игоря, в особенности Тмуторокани, куда направлялся Игорь: див кличет идолу тмутороканскому. Языческие божества как бы объединились против Руси. И вот, предупрежденные о походе Игоря, мчатся ему навстречу, к Дону, из глубины приазовских степей половцы. Но Игорь непреклонно продолжает вести вперед свои войска» [9, с. 53-54]. Отталкиваясь от данного материала, можем говорить об определённой «слепоте» князя, который не принял во внимание ни одного знака, за что впоследствии поплатился поражением своей дружины.

Другая важная персоналия в «Слове...» – Всеволод. Его образ имеет множество прочтений, некоторые из которых мы представим ниже. Для данного героя, как, впрочем, и для других, битва – это «пир». Всеволод храбр и могуч, предстаёт перед глазами читателя едва ли не богатырём. В то же время он уважает, любит Игоря и готов идти с ним в бой, неблагоприятный исход которого можно было предугадать заранее. Всеволод говорит Игорю:

Один брат,
один свет светлый –
ты, Игорь!
Оба мы Святославичи!
Седлай же, брат,
своих борзых коней [11, с. 51].

Здесь проявляется готовность Всеволода во чтобы то ни стало биться на стороне своего брата, поддерживать его.

Свою дружину князь представляет в характере своеобразной оды, указывая на их небывалое бесстрашие и силу и сообщая нам особую геопозитическую интенцию:

А мои-то куряне опытные воины:
 под трубами повиты,
 под шлемами взлелеяны,
 с конца копья вскормлены,
 пути им ведомы,
 овраги им знаемы,
 луки у них натянуты,
 колчаны отворены;
 сами скачут, как серые волки в поле,
 ища себе чести, а князю славы [11, с. 53].

Воины Всеволода представлены опасными и даже «звероватыми»: они вскормлены «с конца копья» и волками (свирепыми хищниками, символизирующими смерть) набрасываются на врага во имя доблести. Неудивительно, что дружинники князя представлены именно таким образом, ведь сам Всеволод называется в «Слове...» то «буй-тур», то «яр-тур», т.е. «буйный и яростный бык». Герой словно мистифицируется. В его жилах будто бы струится звериная кровь, и потому в пылу схватки Всеволод предстаёт перед нами неудержимой стихией, истинным героем, не лишённым, однако, ума и чувства.

Представленное нами описание «звероватости» при определённом толковании может быть гиперболизировано. В эссе курского писателя Бориса Агеева «А такой рати ещё не слыхано!» Всеволод перевоплощается в некоего берсерка. Автор рассуждает следующим образом: «Всеволод в поэме несколько раз называется буй-туром, что переводилось как «отважный, сильный», и в сочетании с символом мощи, со среднерусским зубром-туром, Всеволод представлялся читателю, как образ неукротимого воина. Но слово «буйный» имеет ещё и смысл «неразумный, дикий» [1, с. 194]. Отталкиваясь от данного тезиса, писатель создаёт следующую интерпретацию Всево-

лода: безумный и жестокий воин, забывающий в сражении самую свою суть.

Писатель акцентирует внимание на том, что Всеволод находится «в своей стихии: рубит, колет, гремит мечом о вражеские головы» [1, с. 208], а на полученные ранения даже не обращает внимания – «как бы слепнет в своей ярости» [1, с. 208]. Б. Агеев упорно указывает на этот туман гнева, будто застилающий не только разум князя но и его сердце. Вышеприведённая характеристика обосновывается следующими словами Агеева: «Ведь ты [Всеволод – А.К., К.К.], по-русски говоря, бабу на битву променял, любовь и ласку милой жены Ольги Глебовны на брань, а крещёный человек не должен ни из чего воздвигать себе кумиров, тем более из войны» [1, с. 208].

Далее писатель сравнивает Всеволода с берсерками из исландских саг, которые из-за действия наркотика на основе мухомора «грызли доспехи и мечи» [1, с. 209] в ожидании битвы. Данная аналогия подкрепляется тем, что, по словам автора, для предводителя курян «наркотик – война. Его [Всеволода – А.К., К.К.] сила, воинское мастерство и мужество, не освящённые светом истины, не призванные к высшей цели, выглядят как неукротимая, неразумная, дикая мощь – и только» [1, с. 209]. Но такое описание князя, по нашему мнению, слишком преувеличено. Не беря в расчёт идею воплощения в образе Всеволода героя средневекового эпоса, писатель развивает идею неразумного буйства, царившего во Всеволоде и ослепляющего его. Однако данный герой был вполне зряч, он сохранил в себе воспоминания о «любви и ласке милой жены» [1, с. 208], но спрятал их, чтобы они не мешали ему в пылу сражения, не заслоняли ему взор. Ведь, отвлекаясь на чувства, Всеволод мог запросто ослабить хватку и выпустить из рук клинок...

Опираясь на аппарат литературоведческой компаративистики, предположим, что Всеволод, скорее, похож на Беовульфа из одноимённой поэмы или персонажа исландских саг Кухулина. Эти герои вы-

ступали за личной защиту доблести и за сохранение жизней своих народов, жертвовали ради этого собой. Они искали славы и находили её, сокрушая сильных врагов. Всеволод похож на Беовульфа его уверенностью в собственных силах, готовностью к борьбе, бесстрашием: «Пришлась по нраву / кольцедарителю, / седовласому старцу-воину, / решимость Беовульфа» [5, с. 33], «Кичится Грендель / злочудищной силой, / но я не слабей / в рукопашной схватке! / Мне меч не нужен! – и так сокрушу я / жизнь вражью» [5, с. 36]. Начало похода Игоря с участием его брата соотносится с вводной частью саги «Смерть Кухулина», в которой множество женщин оплакивают героя, предощущая его гибель в случае участия в битве: «Пятьдесят женщин королевского рода преградили ему путь. Цель их была – отвлечь его от выезда на новые подвиги, удержать его в Эмайн-Махе» [6, с. 229]. Разумеется, приведённые произведения отличаются большой степенью мифологизированности, что отличает их от основанного на реальном историческом событии «Слова...» Тем не менее, мы полагаем, что в контексте мирового литературного процесса здесь можно выявить архетипическую связь, воплощающуюся в образе культурного героя. Так же, как и Кухулин, Всеволод не отступает от грядущей схватки, хотя глубоко в душе и понимает, что поход Игоря не станет победоносным. Буй-тур не отговаривает своего брата, но это не означает, что он не понял предупреждающих знамений природы.

Вернёмся к эссе Б. Агеева, в котором уделено место и дружине Всеволода, представленной в соответствии с описанным выше портретом князя: «Его дружинники, которых он столь нахваливает, действительно только воины, бранники, бойцы, мастера битв, истребители вражеских батальонов, “серые волки”. Образ напряжённых луков и отверзтых тул (колчанов) – точный образ готовности Всеволодовой дружины на молодецкую игру со смертью. Если забирать шире,

она олицетворяет вообще брань с миром, непрерывное ратование с судьбой» [1, с. 194-195]. Писатель концентрируется на символической стороне дружины героя. В то же время для Б. Агеева они только воины, которые и не сражаются даже, а играют со смертью, сея вокруг чужую и зачастую избегая своей.

Если в «Слове...» дружинники Всеволода наделяются каким-то «звериными» качествами для создания образа несокрушимой силы, то Б. Агеев говорит о том, что воины князи – сами сплошь звери, «мастера битв» [1, с. 195]. Да, они несут смерть и, действительно, предстают грозными и, может быть, даже безжалостными, однако никак не берсерками, поскольку сражаются за землю и князя, а не во имя ярости. Дружинники Всеволода – это воины, которые сражаются настолько искусно, что их метафорически воспринимают как «серых волков», но они всё же люди. (Стоит отметить, что, так как Б. Агеев анализирует «Слово...» в религиозном контексте, его интерпретация непосредственно в рамках эссе выглядит логично и последовательно.)

Иное прочтение образа Всеволода мы встречаем у курского филолога И. Баскевича. В статье «Курские мотивы в «Слове о полку Игореве»» князь изображается как идеал героя и воина. Учёный утверждает, что в «Слове...» предводитель курян, образно говоря, представлен в лучшем свете: «О Всеволоде Святославовиче «Слово» говорит особо уважительно, как о рыцаре без упрека. Он чужд каких-либо своекорыстных расчетов, стремлений к личной выгоде, свято верен своему долгу перед старшим братом и сюзереном – Игорем Святославовичем. Когда Игорь задумал поход против половцев, Всеволод сразу же проявил готовность прийти к нему на помощь» [2, с. 165].

Исследователь не видит в характере Всеволода элементов, указывающих на откровенную буйность и неукротимость. В сущности, брат Игоря просто крепко держит меч в руке, ограждая сознание от

лишних мыслей: «В грозной сече Всеволод ведет себя, как подобает храброму и опытному воину, не думает ни о ранах своих, ни о славе, ни о богатстве, ни об отцовском престоле в Чернигове, не вспоминает и о милой, желанной красавице своей Глебовне. Весь он поглощен битвой.

Ярый тур Всеволод!
Стоишь ты в самом бою,
прыщешь на воинов стрелами,
гремишь о шлемы мечами булатными!
Куда ты, тур, поскочишь,
своим золотым шлемом посвечивая,
там лежат поганые головы половецкие» [2, с. 165-166].

И. Баскевич убеждён, что сам автор «Слова...» благосклонно рисует образ Всеволода – настоящего героя, не боящегося вражьих клинков и ищущего славы и чести в своём сражении. Эту особую расположенность автора к предводителю куряня учёный называет неслучайной. Далее следуют размышления на достаточно дискуссионную тему авторства «Слова...», однако она не является предметом данной работы.

О дружине Всеволода И. Баскевич отзывается достаточно тепло и даже заявляет, что отрывок о курянях имеет под собой реалистичную основу: «Женщинам в пограничном городе и в самом деле доводилось пеленать детей, когда трубили очередную тревогу, призывая мужчин к оружию. <...> Курским воинам надо было все время быть начеку. Вот почему и луки у них заранее натянуты, и колчаны всегда отворены, и сабли отточены» [2, с. 164]. Данная позиция может свидетельствовать в пользу того, что дружинники Всеволода, как и он сам, идеальные воины, которые родились для защиты своей земли и её прославления.

Говоря о Всеволоде, нельзя надолго упускать из внимания образ Игоря. Оба героя похожи друг на друга степенью храбрости и уровнем силы. У Всеволода эти качества, как мы выяснили, выраже-

ны ярче, что и притягивает исследователей к интерпретации. Однако образ Игоря также подвергается анализу и творческому переосмыслению. Покажем это на примере стихотворения Н. Корнеева «Возвращение Игоря».

В произведении курского поэта Игорь представлен побеждённым князем, который бежит из половецкого плена «без коня, без меча, <...>, сбивая колени и молитву шепча» [8, с. 13]. В начале произведения автор категоричен. Он обвиняет «беспечность с гордыней» в дорогой ошибке Игоря, который шёл в поход для признания:

Перво-наперво славы
Не себе ль он хотел?.. [8, с. 13].

Следующая строфа служит противопоставлением, приведённым выше, и одновременно отсылает к полному сюжету «Слова...»:

Но не думал о славе,
Тайный час сторожа
Молодой Святославиц,
Как из плена бежал [8, с. 13].

Автор самобытно обыгрывает плохое знамение, а именно переносит затмение с солнца на сознание князя:

Срам и гибель сама –
Не в затмении солнца,
А в затменье ума [8, с. 13].

Игорь, будто ослеплённый порывом к сражению, ведёт своё войско к поражению и сам попадает в плен. Святославович оказывается жертвой заблуждения, которое, однако, его меняет. Герой «несёт в себе тяжесть неизбывной вины», но теперь он, преодолев *затмение ума*, раскаивается в ней. Ничто «не смоет вину» и не исправит сделанного, но именно груз осознания этой невозможности способствует развитию героя:

Прежний Игорь – навеки
В половецком плену [8, с. 13].

говорит Корнеев, обозначая, что опыт тяжёлого поражения может стать тем самым средством, которое поспособствует изменению в лучшую сторону. В первоисточнике мы не наблюдаем подобной метаморфозы, но тем и интереснее становится образ Игоря в авторской трактовке Корнеева.

Заключив благодаря поэту, что Игорь является жертвой «затмения ума», попробуем с той же позиции проанализировать образ Всеволода. Предводитель курян не останавливает своего брата, не говорит ему о грядущей беде. Он лишь показывает готовность идти за Игорем всюду, он «один свет светлый», князь и брат. Всеволод не попадает под то же влияние, что и Игорь, но буй-тур оказывается под властью заблуждения своего брата. Иными словами, предвкушение битвы во славу затмило разум Игоря, а сознание Всеволода поддавалось воздействию брата. Такое толкование, возможно, имеет место в художественных целях, но контексте исследования кажется нам надуманным.

Как видим, образы Игоря и Всеволода многогранны и воспринимаются совершенно по-разному. В первоисточнике они – доблестные князи и воины, потерпевшие ужасное поражение. Б. Агеев

объявляет Всеволода берсерком, а Баскевич в князе видит идеал доблестного мужа. Игорь же, исходя из поэтического портрета В. Корнеева, представляется героем с помрачённым сознанием, который, попав в плен и сбежав из него, вступает на путь эволюции. Любопытно было бы с опорой на представление героя в стихотворении курского автора проанализировать образ Игоря через призму аналитической психологии: как утратившего самость и намеренного её вернуть. Однако подобный аспектный анализ будет уместен только при работе с современными интерпретациями образа, поскольку Игорь в «Слове...» – фигура гораздо более широкая и значимая, чем отдельно взятая психология личности.

В ходе нашей работы мы попытались представить и проанализировать различные интерпретации образов центральных героев «Слова о полку Игореве» через призму литературоведения, геоэтики и компаративистики. Полагаем, что сведения, аккумулированные в данной статье, будут полезны как (по)читателям древнерусской литературы, так и учёным, занимающимся литературной регионалистикой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев Б.П. Открытое небо: Эссе о литературе. Очерки. Курск: ФГУИПП «Курск», 2005. 352 с.
2. Баскевич И.З. Курские вечера: Литературнокраеведческие очерки и этюды. Воронеж: Центрально-чернозем. книж. изд-во, 1979. 208 с.
3. Бубнов А. «Курский квадрат»: малая геоэтика и мистика // Журнал ПОэтов. 2015. № 2 (64). С. 52-55.
4. Замятин Д.Н. Сопространственность, геокультуры и (не)локальные тексты: к транссемиотике провинциальных текстов // Enthymema. 2021. № 28. С. 77-91.
5. Западноевропейский эпос / сост. Л.А. Плотникова; примеч. Н.Я. Рыковой. Ленинград: Лениздат, 1977. 752 с.
6. Ирландские саги: пер. и комм. А.А. Смирнова. Л.: Academia, 1929. 382 с.
7. Каменский К.В. Анализ Курской культуры: текст и контекст // Цифровая наука. 2023. № 6. С. 21-30.
8. Корнеев Н.В. этой осени, в той весне: стихотворения // Толока. 2000. № 31. С. 10-13.
9. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве». Ист.-лит. очерк. М.: «Просвещение», 1976. 175 с.
10. Сид И. История понятия «геоэтика» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 11 (722). С. 153-170.

-
11. Слово 1984 – Слово о полку Игореве / Вступит. ст., ред. текста, досл. и объяснит. пер. с древнерус., примеч. Д.С. Лихачёва; Граф. В.А. Фаворского и М.И. Пикова. М.: Дет. лит., 1984. 221 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Ageev B.P. Otkrytoe nebo: Jesse o literature. Ocherki. Kursk: FGUIPP «Kursk», 2005. 352 s.
 2. Baskevich I.3. Kurskie vechera: Literaturnokraevedcheskie ocherki i jetjudy. Voronezh: Central'no-chernozern. knizh. izd-vo, 1979. 208 s.
 3. Bubnov A. «Kurskij kvadrat»: malaja geopojetika i mistika // Zhurnal POjetov. 2015. № 2 (64). S. 52-55.
 4. Zamjatin D.N. Soprostranstvennost', geokul'tury i (ne)lokal'nye teksty: k transse-miotike provincial'nyh tekstov // Enthymema. 2021. № 28. S. 77-91.
 5. Zapadnoevropejskij jepos / sost. L.A. Plotnikova; primech. N.Ja. Rykovej. Leningrad: Lenizdat, 1977. 752 s.
 6. Irlandskie sagi: per. i komm. A.A. Smirnova. L.: Academia, 1929. 382 s.
 7. Kamenskij K.V. Analiz Kurskoj kul'tury: tekst i kontekst // Cifrovaja nauka. 2023. № 6. S. 21-30.
 8. Korneev N.V. jetoj oseni, v toj vesne: stihotvorenija // Toloka. 2000. № 31. S. 10-13.
 9. Lihachjov D.S. «Slovo o polku Igoreve». Ist.-lit. ocherk. M.: «Prosveshhenie», 1976. 175 s.
 10. Sid I. Istorija ponjatija «geopojetika» // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2015. № 11 (722). S. 153-170.
 11. Slovo 1984 – Slovo o polku Igoreve / Vstupit. st., red. teksta, dosl. i ob#jasnit. per. s drevnerus., primech. D.S. Lihachjova; Graf. V.A. Favorskogo i M.I. Pikova. M.: Det. lit., 1984. 221 s.
-